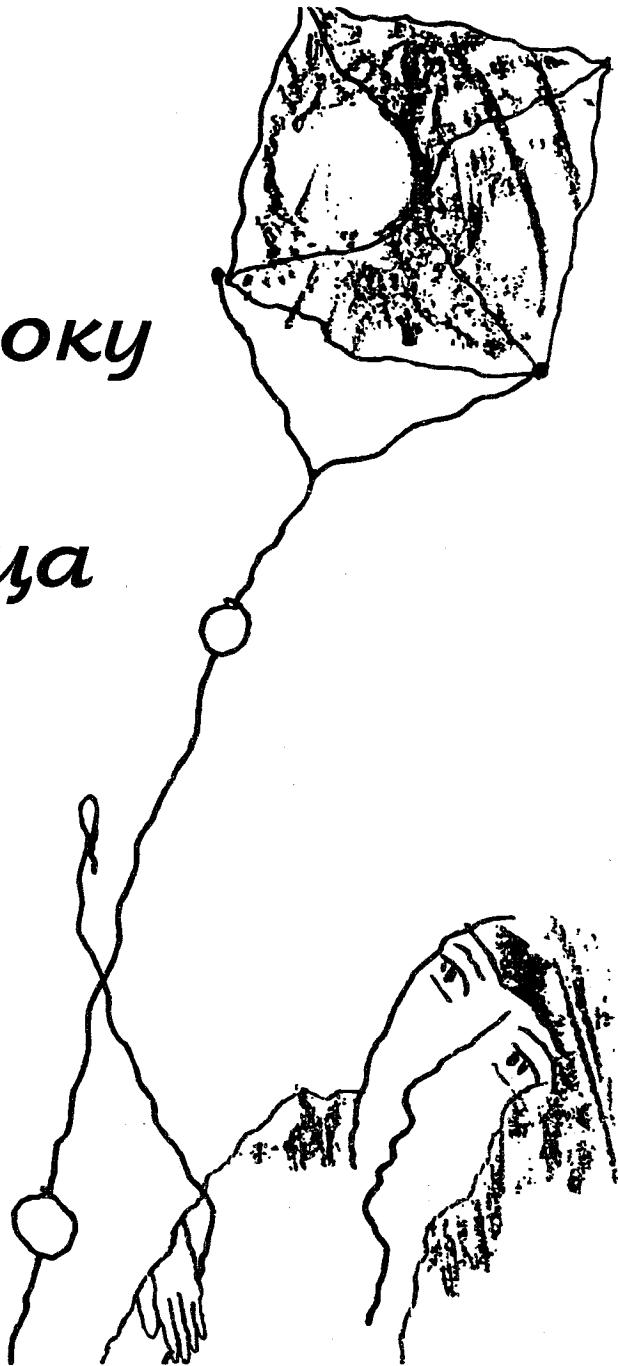

*К
востоку
от
солнца*

2012

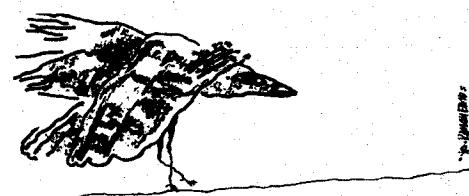
Памяти Виктора Черникова

К востоку от солнца

Стихи и переводы

Альманах

Выпуск 14

Новосибирск
2012

ИЗ ПОГРАНИЧЬЯ

Не они перемещались
а границы
вдруг сдвигались там на запад и восток
словно в вальсе
когда пляшут даже стены
и узоры на паркете в вихре сцены

их фигуры не менялись
лишь границы тасовались
как во сне
и без стыда

отчего длиннее зимы?
– вопрошали
здесь рождённые
не здесь умирали
ведь сбежало за границу
«здесь»
не ведать бы куда

БЕЗ ОТВЕТА

Уж исчезает Калифорния
на карте
в свете белых ламп
когда же ночь там наступает
звоню
никто не отвечает
колибри спят и пересмешник
в молчащих
сумерках кромешных
в объятьях пальм

Август 2002

ИЗ БЕРГСОНА

Время не нить жемчужин
только одна жемчужина
нанизанная на зерно
непостижимой раны
сочится текучей массой
изменчивой и извечной
безымянную беспределность
наполняя
своим бытием.

23 сентября 2002

ИЗ КАКОГО ПОРТА ПЛЫВУТ ДО КАКОГО

1

*... for this
I thirsted Absent Bliss...
Thomas Traherne, On News*

Разлитое молоко
расплескавшийся океан

даже ключа не было
чтобы бросить в воду
а ведь лунная кровь
вздымается как прилив
и в стеблях
в артериях
в млечных путях
восхожу

12 июля 1999

2

В то же озеро дважды уже не ступишь
Чеслав Милош, Элегия для Н. Н.

То ли он не пришёл
она позабыла
были другие девушки/женщины
парни/мужчины

беспокоящий непонятный
голос крови
гнал их
всё дальше...

а стало быть не вступают
дважды в одни и те же
волны Балтийского моря
и ступни в тот же самый песок
погрузить невозможно?

16 июля 1999

3

*В пенное море, шумящее море
Звёзды падали и исчезали.*
Владислав Броневский, Прилив

И всё-таки возвращение
не триумфальное

не в Каноссу
не с визитом старой дамы

я не успела к юбилею Данки
там интервью портреты виваты
а я опоздав на целые годы
у костра продолжаю слушать баллады

тот же тембр и тон
и актриса та же
сладкий сон
под волны морской привычный мотив

Сынок, видно, ты из Германии, везёшь янтаря ведёрко?
– *Нет...*
Это прилив, милая, это прилив.

19 июля 1999

4

Нет, не нарушу
гармонии мира
но почему хаос
врываются как прилив
в мой сон
который почти
тишине уже научился
а среди засушенных роз
поставленных для украшенья
одна ночью июльской
лепестки свои раскрывает
и боль обнажает
– зерно болезни своей?

20 июля 1999

5

Не довольно ли
что однажды забыла
неотвратимо
– так мне казалось
и только словом ты был
только словом
на листке бумаги двухмерным
а теперь море песок
танго какое-то обещает
что так же уже никто
и твой голос
уже второй раз в той же жизни

это из пьесы другой
хотела бы я закричать
герои пускай не встречаются
ведь не хватает места
слишком людно на сцене
с Клеопатрой Гамлет не могут
вместе
в одном спектакле
повторять диалога

но повторяют
и зрительный зал молчит

а когда это зёрнышко
вновь зарастёт жемчужиной
перестанет ли просыпаться
моллюск поутру?

23 июля 1999

6

Всё – наказанье
за то что я полагала

что уже добралась
сквозь туман пробивается солнце
по утрам а ввечеру
на реке баржи считаю
в другой стране

но есть две реки
и не сосчитать
плывущие лодки
и не узнать
из какого порта
плывут до какого.

23 июля 1999

ВСТРЕЧА С ПОЭТЕССОЙ *

Поэты её покинули
один выбрал смерть
другой новую жену из Карелии
осталась наедине
с поэзией
потому дрожат её руки
когда берёт она рюмку
первшую со вчерашнего вечера
ведь бар только открыли

поэты её покинули
одних казнили давно
другие почву утратили под ногами
и потому она
слов не может найти
прежде чем капля вина
на языке
разольётся
тогда говорит торопливо

* Беллой Ахмадулиной.

*Да, я была в Колумбийском университете
Не хочется вам вина?
– ведь я знаю
поляки пьют*

а потом уже лишь пару жестов
на фоне залива в окне
сосредоточенная на красном напитке
с трудом глотает креветку

– Это она – шепчут люди
когда мимо идёт она

наедине с поэзией.

СОРОКОУСТ

Кто зимой умирает под зимнею глыбой
тому о весне
доснится сон свой
пока в эхе собора
не прозвучит слово
день распоётся сороковой
и в сосульках повиснет кристаллом
и метелью в ночь забредёт
смертный телом
и именем и желаньем
голос вечный уже обретёт.

Написано 8 марта 1996 в соборе St. John the Divine Cathedral в Нью-Йорке, где был отслужен Сорокоуст памяти Иосифа Бродского.

Надо иметь луг
какой-нибудь луг
где туман сеет в травах росу
где гнездится с клевером скрип

где жабник зыркает жёлтым глазом
надо его иметь
чужой или ничей
на каком-нибудь полуушарии или континенте
и ходить босиком по этому лугу
неземные ступни в землю вжимая
и пусть этот луг дышит июлем
и пусть его скашивают косою
и пусть на нём пьют пьяные пчелы
из бокалов диких тигровых лилий.

КАТАЖИНА ТУРАЙ-КАЛИНСКАЯ

Между адом и раем –
толпы. Боги.
Настежь врата, сквозняк.
А я – на пороге.

Между снами и явью –
пласт дороги.
Сон меня встретил в яви.
А я – руки в ноги.

УРОК МУЗЫКИ

Отвагой собственной испугана, держала
скрипки крыло и, бледная, храбро дрожала.

Смычком перечила струнам. Всем же казалось:
вроде, проворны пальцы, но – не получалось.

Руки тянулись зачем-то вверх, до предела.
Скрипку вверх воздевая, что сделать хотела?

Учитель ей говорил, не скрывая улыбку:
ты опять чересчур высоко держишь скрипку.

Да побрал бы тебя... ангел знакомый:
скрипка не катапульта – пулять в небо фантомы.

Ты учти, та мелодия, что к звёздам несётся,
цели минует и никогда не вернётся.

Даже себе о струны искровавив пальцы,
пущенная стрелой – тут уже не останется.

Опусти инструмент – утраченные звуки
тотчас манной небесной падут тебе в руки.

Свесила голову тяжко и с земли глядела
на то, чего не знала и знать не хотела.

Заповедь в небе беззвучном читала, терпя:
не ты играть будешь музыку, а она – тебя.

С ПОДНЯТОЙ ГОЛОВОЙ

Прежде чем уйдёшь – научи меня умирать.
Это такое глупое, стыдливое заданье,
а ты сумеешь с поднятой головой
смирно лежать в мягких белых доспехах.
Стон твой – команда. Дробь барабанная – дрожь
пальцев. Открытый рот, потемневший до песни,
Вселенная сожмётся от зависти, слыша её.
Медленней умирай, я же пока лишь учусь.
Хочу обрести навык с тобой. Чуть подвинься.
Вместе станем форсировать посинелую гору заката
и катить шар воскового рассвета.
Так красиво ты умираешь. Хочу тебе подражать.
Без этого – боль, стыд, отчаяние, ужас.
Холодный пот, провал, свист, хохот в зале.

ОДИССЕЙ ОПОЗДАВШИЙ

Спустя столько лет
не надейся особо
на старую дружбу
по имени Аргос.

Твой пёс уже мёртв.
И сам ты сейчас
ищейка – клубок
памяти жадной.

Будь же любезен
узнать сам себя
в следах штукатурки
на обломках лестниц.

В замшелой стене,
в прогнившем пороге,
в разбитом окне,
в оторванной ручке.

Найдись в пепелищах
пропахших тобой.
Могло ведь не быть
И этого.
Помни.